

Соколов Александр Алексеевич

Сестра милосердия

Роман в 3 частях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Алексеевич С.**
Сестра милосердия: Роман в 3 частях / Соколов Александр Алексеевич — М.: Книга
по Требованию, 2023. — 261 с.

ISBN 978-5-519-74484-3

ISBN 978-5-519-74484-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА I.

Н а п р и в а л ѣ.

Партія арестантовъ остановилась на привалѣ. День былъ жаркій, солнце пекло и слѣпило глаза. Дувшій по временамъ вѣтеръ, хотя и прохлаждалъ утомленныхъ путниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вздымалъ тучи пыли съ высохшей, даже выгорѣвшей дороги и какъ будто грозовою, сизо-желтоватою тучею застидалъ на время солнце.

Тяжело дышалось при этомъ жарѣ и при этой пыли, тяжело шагало въ ножныхъ кандалахъ и наручникахъ.

Сзади партіи, люди которой, какъ снопы отъ вѣтра, повалились на выгорѣвшую траву, расположилось нѣсколько повозокъ съ женщинами-арестантками и съ женщинами и дѣтьми, шедшими въ ссылку за своими мужьями и отцами.

Въ одной изъ повозокъ, въ которую я попрош^у

заглянуть читателя, онъ найдетъ женщину, худую, блѣдную, съ истомленнымъ взоромъ, женщину въ томъ положеніи, о которыхъ говорятъ: «на ладанъ дышутъ».

Если читатель всмотрится въ это блѣдное и худое лицо, то черты его, безъ сомнѣнія, покажутся ему знакомыми. На этомъ лицѣ угасла вся жизнь, но, и угасая, она не въ состояніи была стереть, съ этого лица доброты и симпатіи. Истомленный, полупотухшій взоръ смотрѣлъ по прежнему кротко и ласково. Но за то на всемъ легъ признакъ не только кротости, не только приниженности, не только равнодушія, но признакъ какого-то отупѣнія.

По крайней мѣрѣ въ эту минуту, когда эта худая и блѣдная женщина осталась въ повозкѣ одна, эти признаки отупѣнія вырисовались слишкомъ ярко.

Но вотъ подошла къ этой повозкѣ баба-арестантка и крикнула:

— Матушка, повыдь-ко!.. Купецъ булки раздаетъ.

Блѣдная женщина посмотрѣла на нее, какъ-бы не давая себѣ отчета въ томъ, что ей говорятъ.

— Выдь, говорю, купецъ, слышь, булки раздаетъ, повторила баба.

Та махнула рукою.

— Не хочешь? спросила снова у нея баба, но та молчала.

— Такъ ты возьми хоть для моего ребенка...

При словѣ «ребенокъ», худая и блѣдная женщина оживилась и быстро, насколько ей позволяли силы, стала спускаться изъ повозки.

Слово «ребенокъ» придало ей живости, вызвало къ жизни, спугнуло съ лица печать отупѣнія.

Она подошла къ купцу и, получивъ булку, тотчасъ и передала ее ребенку, ѣхавшему съ ней въ одной повозкѣ.

Благодари, дурачекъ, Софью Лисандровну, сказала баба.

Ребенокъ потянулся къ ней съ поцѣлуями; она взяла его на руки и, крѣпко-крѣпко поцѣловавъ, тихо заплакала и, отдавъ ребенка, побрела, спотыкаясь, въ повозку.

Теперь читатель знаетъ, кто была эта женщина, дѣлившая свое подаяніе съ ребенкомъ, хотя, собственно говоря, особенной надобности въ этомъ дѣлѣжѣ и не предстояло.

Пѣсня колодниковъ, шедшихъ по Сибири, и барабанный рокоть партій, проходившихъ по Россіи, вызывалъ изъ домовъ массы обитателей, спѣшившихъ, кто съ чѣмъ только могъ, на помощь «несчастнымъ».

Такимъ именемъ нашъ простой, незлобивый народъ зоветъ осужденныхъ преступниковъ.

Выбѣгавшій на доброхотную помощь народъ, съ своими заработанными копѣйками и выторгованными рублями и десятками рублей, врядъ-ли зналъ, кому изъ этихъ подачекъ шла «львиная часть». Но если-бы онъ и хорошо зналъ это, то незадумался-бы нести по прежнему свою жертву, зная, что хоть частичка да перепадетъ «несчастненькому арестантику» и хоть на немного освѣтитъ для него этотъ мрачный и далекій путь въ долгую и мрачную каторгу.

Москва православная больше всѣхъ другихъ городовъ «подаеть» арестантамъ. Въ запискахъ одного изъ правдивѣйшихъ и талантливѣйшихъ нашихъ путешественниковъ разсказывается такая сцена:

«Еще въ Москвѣ, говоритъ онъ, «тотчасъ по выходѣ партіи ссыльныхъ изъ пересыльнаго тюремнаго замка, бывалые этапные начальники спрашивали:

— «Какими васъ, ребята, улицами вести?»

— «Хорошими, ваше благородіе! отвѣчали бывалые изъ арестантоѹ.»

— «Соблаговолите въ барабанъ бить, прохладу дайте, прибавляли опытные изъ нихъ.

— «Прохлада 50 рублей стоитъ, барабанъ столько-же. Стало, ровно сто на меня, да десять на ундровъ, по рублю на рядовыхъ, согласны-ли? говорилъ офицеръ.

— «Идетъ! отвѣчали бывалые изъ арестантовъ, съ полною готовностью, когда на дворѣ праздникъ и не стояла глухая лѣтняя пора, и начинали торговаться, если на ихъ сторонѣ не было такихъ сильныхъ и благопріятныхъ условій“ *).

Кто изъ насъ, читатели, не подавалъ какую-нибудь мелочь идущимъ по улицамъ арестантамъ, и кто изъ насъ, прочтя строки о томъ, что арестантъ долженъ дѣлиться съ конвойными, задумается подать ему тоже даваніе.

Русскій народъ, будетъ-ли это купецъ именитый, или простой «заплатанный лапотникъ», смотреть на

*) С. В. Максимовъ: „Сибирь и каторга“, часть I, стр. 46 и 47.

это, какъ на Божье дѣло, памятуя, что «не осуждай, да не осужденъ будешь», и что, «если сотворитъ единому отъ малыхъ сихъ», самому Богу сотворить.

Вотъ почему русскій человѣкъ съ какою-то скромностью и даже застѣнчивостью приближается къ партіи со своимъ даяніемъ и, давъ его, поклонится и той-ды перекрестится *)

Скажите этому человѣку, что изъ его рубля девяносто девять копѣекъ уйдетъ на долю сытаго начальства, онъ вамъ отвѣтитъ, что «все-же копѣйка» достанется «несчастному», и никогда не пропуститъ возможности дать эту копѣйку.

А копѣйка эта творитъ чудеса на дорогѣ. Копѣйка эта покупаетъ веселье, капли свободы, часы отдыха, минуты сладкихъ свиданій, даетъ облегченія.

За деньги позволяютъ кандалы съ помочей, давно надавившихъ шею, привязать на ремешокъ къ поясу и облегчиться; за деньги позволяютъ сказаться больнымъ и принанять подводу, и не только принанять подводу, но посадить на нее съ собою и бабу арестантку...

За деньги позволяютъ выпить и въ путь идти, какъ поется въ одной изъ стихирь: «веселыми ногами»; за

*) Извѣстно, что когда въ наше время, въ самое ближайшее къ намъ время, провозили въ ссылку бывшаго милліонера Овсянникова, то газетные корреспонденты изъ многихъ городовъ сообщали, что народъ кидалъ ему въ экипажъ грошики, хотя, вѣроятно, хорошо зная, что Овсянниковымъ въ ссылку привезутся и его милліоны, на которые онъ устроитъ отлично свою жизнь на новомъ мѣстѣ. Подавая эти гроши, онъ творилъ только „Божье дѣло“, и для него Овсянниковъ въ это время былъ не милліонеръ и „гроза“ а „несчастный“.

Авт.

деньги позволятъ лишній часъ полежать на сочной травѣ, въ тѣни отъ палящаго солнца.

Да, велика сила «доброхотной» копѣйки, и безъ нея невыносимо бы тяжело былъ путь «несчастныхъ» каторжниковъ и поселенцевъ.

А кто знаетъ, какое наказаніе ждетъ этихъ каторжниковъ при приходѣ въ Сибирь—это «золотое дно». Есть, читатель, ужасныя наказанія, отъ которыхъ волосъ становится дыбомъ и кровь цѣпенѣтъ въ жилахъ.

Вообрази себѣ, читатель, человека, сидящаго въ душевной тюрьмѣ пять лѣтъ, прикованнымъ къ стѣнѣ на цѣпь, и для того, чтобы онъ не могъ двигаться по своей камерѣ даже на столько, на сколько позволяетъ цѣпь, къ рукамъ его прикрѣпляютъ желѣзную полосу (лиса), въ полтора пуда вѣсомъ. Вообрази себѣ другаго, на всю жизнь прикованнаго къ тачкѣ; вообрази себѣ третьяго, всю жизнь ходящаго въ ножныхъ кандалахъ.

Конечно, надо сдѣлать много преступленій, преступленій тяжкихъ и ужасныхъ, чтобы заслужить одну изъ такихъ казней...

Но самую страшную казнь, которая пугаетъ даже прикованныхъ къ стѣнѣ, — это одиночное заключеніе.

*«По заключенію въстать, близко стоящихъ къ дѣлу, русскіе преступники ненавидятъ эту мѣру всею силою души своей» *)*.

Но...

*) Сибирь и каторга“, часть I, стр. 243.

Не забѣгая впередъ, мы послѣдуемъ за партіей, которая поднимается съ привала.

Арестантовъ пересчитали и скомандовали—маршъ. Партія двинулась.

Впереди шли, звуча кандалами, ссыльно-каторжные; за ними слѣдовали ссылаемые на поселеніе, прикованные къ общей цѣпи, за руки по четверо; далѣе шли прикованныя къ цѣпи женщины, также ссылаемые на каторгу, а затѣмъ уже тянулся обозъ съ больными и семьями ссылаемыхъ на поселеніе.

Вокругъ конвой, впереди офицеръ съ неизбѣжною трубкою во рту и съ мурлыканіемъ какой-нибудь пѣсенки гривуознаго свойства, а иногда какого-нибудь чувствительнаго романа.

Въ кибиткѣ, въ которой ѣхала ссылаемая на каторгу «несчастливая» Соня, помѣщалась баба съ ребенкомъ. Ребенокъ этотъ былъ мальчикъ двухъ лѣтъ, и звали его Володей. Эти годы и это имя, напоминавшіе Сонѣ ея дорогаго сына, который былъ такъ далеко отъ своей бѣдной матери, приковали ея любвеобильное сердце къ этому ребенку, который шелъ вмѣстѣ съ матерью и отцемъ своимъ на поселеніе.

Мальчикъ былъ сынъ горькаго пропойцы и вора, вора-рецидивиста, ссылаемаго на поселеніе. Воръ и пропойца былъ плохой отецъ, и не красная участь ждала его бѣдную семью на ихъ новомъ пепелищѣ въ Тобольской губерніи. Во весь путь, уже весьма далекій отъ Москвы и долгій по утомительному переходу, пропойца-отецъ ни разу не подошелъ на отдыхъ къ кибиткѣ, гдѣ былъ его сынъ, и ни однимъ ласковымъ

словомъ не оживилъ бѣдную жену свою, обзанную раздѣлить тяжкую участь мужа за единственную вину свою,—за то, что находилась съ нимъ въ бракѣ.

Этотъ «брошенный» отцомъ ребенокъ былъ поэтому еще дороже для Сони, и она все сильнѣе и сильнѣе привизывалась къ нему.

Круглая сирота при живомъ отцѣ, мальчикъ этотъ былъ ласковый и понятный. Его дѣтскій лепетъ улаждалъ дальній и тяжкій путь и хотя нѣсколько развлекалъ томительное однообразіе.

Соня все время сидѣла въ углу плохой кибиточки, и передъ нею въ полукругѣ, который составлялъ выгибъ рогоженной покрышки, видѣлась постоянно одна и та-же голубая или синяя полоса неба, смотря по тому, былъ-ли это день, была-ли это ночь. Правда, полоса эта разнообразилась то набѣгавшею тучею, то полосою зари, то прозрачною бѣлою пеленою, но Соня не обращала вниманія на эти разнообразія и не замѣчала ихъ, и только когда наступала звѣздная ночь, она выставляла изъ полукруга свое блѣдное лицо и смотрѣла до совершеннаго отупѣнія вправо изъ кибитки на синее небо, гдѣ ярко горѣли три звѣзды, въ счастливое время названныя звѣздами: Владиміра, Володи и Сони.

Въ первый разъ, когда она увидала случайно эти три звѣзды, она вскрикнула и упала въ обморокъ, потомъ при видѣ ихъ всегда долго и горько плакала, а затѣмъ уже смотрѣла на нихъ съ тупымъ равнодушіемъ, покоряясь скорѣе силѣ привычки, чѣмъ чувству воспоминанія.

Сосѣдка ея, или, правильнѣе, товарка по кибиткѣ, нѣсколько разъ пыталась разспрашивать Соню о томъ, что за несчастіе ввергло ее въ такую страшную пучину страданій и будущихъ бѣдствій, но Соня всегда уклонялась отъ сообщенія, и товарка, какъ говорится: побродивъ вокругъ да около, оставалась ни съ чѣмъ.

Изъ разспросовъ у конвойныхъ и другихъ арестантовъ она узнала, что Софья Александровна приговорена на каторгу за убійство, но кого и за что она убила—это составляло для всѣхъ тайну. Сама-же Соня молчала, да, вообще, ее никто и не разспрашивалъ, кромѣ товарки по кибиткѣ, да и та больше спрашивала оттого, что находила необходимымъ о чемъ-нибудь заводить разговоры.

Товарка ея была баба добрая, крестьянка, хотя и «городская», т. е. всю жизнь «проблывавшая» по людямъ. За доброе отношеніе къ своему сыну, она всячески старалась услужить Сонѣ и на привалахъ тотчасъ-же озабочивалась принести ей воды, или понащипать травки «подъ дворянскій бочекъ, какъ она выражалась.

— Все съ травой-то покойнѣе будетъ, говорила она Сонѣ, подпихивая подъ нее свѣжую траву.

Но Соня, вся ушедшая въ себя, не замѣчала этихъ услугъ и только оживлялась тогда, когда «чужой» Володя требовалъ какого-нибудь ухода за собою.

— Ты его мнѣ, мать, люто набалуешь, замѣчала Сонѣ баба, но Соня какъ-то не понимала смысла этой фразы—и въ холодную ночь кутала и пригрѣвала, чѣмъ только могла, озябшаго мальчика, одѣтаго въ дырвяя

хламиды. По утрамъ мыла его и заставляла молиться Богу.

— Первая твоя молитва должна быть за отца, говорила она, съ удареніемъ на этомъ имени.

Баба, по своему неразумію, прежде рѣзко протестовала, но потомъ смирилась.

— Стоитъ онъ, каторжный пестъ, того, чтобы за него, за анаѣму, молиться... говорила она вначалѣ.

Но Соня словами священнаго писанія урезонивала ругающуюся бабу, и та разъ отъ разу дѣлалась кротче и кротче и, наконецъ, совсѣмъ примирилась.

— Милосердная ты у меня, говорила она Сонѣ, въ раю-бы тебѣ у Бога жить, а тебя люди на каторгу ссылаютъ.

— Грѣшница я, отвѣчала ей Соня, по грѣхамъ и наказаніе несу!..

— Какіе у тебя грѣхи могутъ быть? заговаривала баба.

— Я въ грѣхѣ, я и въ отвѣтѣ, коротко отвѣчала Соня и затѣмъ уже упорно молчала, погружаясь въ задумчивость. Думы, однако, скоро отлетали, глава оставалась, и лицо принимало видъ отупѣнія.

Партія, между тѣмъ, шла впередъ, хотя и медленно, но приближаясь къ цѣли путешествія. Впрочемъ, оставалось еще болѣе тысячи верстъ, слѣдовательно, оставалось еще и много недѣль для слѣдованія къ этой цѣли.

Въ тотъ день, въ который мы нашли на привалѣ нашу Соню, она была болѣе другихъ дней утомлена и разбита. Даже звѣздная ночь, спустившаяся на